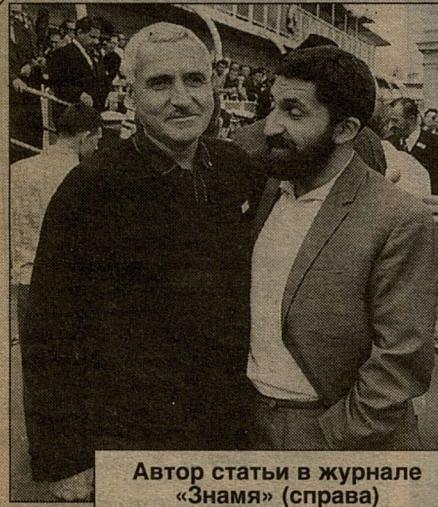

Сталинистка Уланова была косноязычна от страха...

Эти утверждения известного правозащитника Алексея Симонова опровергает наш обозреватель Инна Руденко, близко знавшая великую балерину

Автор статьи в журнале «Знамя» (справа) с отцом – писателем Константином Симоновым.

В журнале «Знамя», в шестом номере за этот год, опубликован «мемуар» – так сам автор определяет жанр своего произведения – «Галина Сергеевна: «Мир Улановой» и миф Улановой». Кинорежиссер-документалист Алексей Симонов, ныне более известный как глава Фонда защиты гласности, на этот раз предает гласности свои мумки почти 20-летней давности, испытанные им при создании фильма о великой балерине.

Отчего «писала кипятком» сценаристка

Каждый, кто пытался хоть однажды рассказать об Улановой, казалось бы, должен разделить эти мумки – так неуловимо труда была для воспроизведения натура. Видела Уланову на сцене, на занятиях с учениками, бывала у нее в доме, и она у меня, но каждый раз, садясь за белый лист бумаги, чтобы написать о ней, испытывала трепет неофиата: как передать обычными словами матию ее танца и самой личности, всегда сквозь танец просвечивающуюся?

Да что я, великие разводили руками. Как-то Эйзенштейн попытался выразить ее танец в некой графической схеме, а потом записал, словно развел в бессмыслицах: «Она принадлежит к другому измерению». А как расскажешь о человеке другого измерения?..

Но мумки Алексея Симонова совсем иного рода. Оказывается, цель при создании фильма он тогда поставил перед собой такую: «разрушить легенду под наименованием «Уланова». Зачем? Скажи: хотел создать не парадный портрет – рассказать о живом человеке. О маленькой и великой женщине. Но нет – именно «разрушить», это слово повторяется в мемуаре неоднократно, неудержимо высвечивая давно овладевшую нами страсть, от которой мы никак не можем избавиться: «до основания, а затем...». Сколько же уже посыпались с корабля современности с истинно большевистской прямолинейностью, хотя и зовем себя демократами!..

Вполне демократические устремления, оказывается, движут и им, Симоновым. Дело не только в том, что он легенды невзлюбил с молодости и его «вотрило от одного их запаха». Дело в том, что «сврима Г.С. – сталинистка», и потому легенду под именем «Уланова» он ставит в один ряд с другими легендами советской истории: выстrelом «Авроры», оказавшимися холостыми, 28 погибшими панфиловцами, часть которых ожива, ну и далее, сами понимаете, «челина, великие стройки, БАМ». Эти, слава Богу, легенды уже развенчаны, пора приступить к новой.

Но разрушить или хотя бы поколебать легенду «Уланова» Симонову, признает ее, не удалось. На пути встал «заказчик» – это он так об Улановой. Галина Сергеевна, утверждает мемуарист, не говоря уж о ненавистной ей сценаристке, которая от восторга перед Улановой «писала кипятком», стеной встала против правды, отмечая все, «что не работало на легенду». И вот то, что не уда

верно заметил Иосиф Бродский: «Нас раздели и разнуздили на колоссальный эзистенциальный холод. И я думаю, что результатом этого не может быть ирония. Результатом должно быть взаимное сострадание». Какое там сострадание, какие гражданские скорби – одна веселая хула...

Но вернемся к нашему мемуаристу. Он поправляет себя – нет, у Г.С. было, но весьма специфическое чувство юмора. Из исторических персонажей ее эпохи в наибольшее ярко выраженный феномен обладал... Как вы думаете, кто? «Иосиф Виссарионович!» Это юмористка, разрушить легенду? Она же балерина, а не провозвестник гласности, в конько-то концов. Искусство балета по определению – говорящее молчание, при чем тут цирковые способности!

А вот и вторая: Уланова, пишет автор, была «чрезвычайно косноязычна». Не слишком деликатное, скажем так, слово по отношению к женщине, отличающейся повышенной деликатностью. Но, да, красноречием, а точнее сказать, краснобаством, не отличалась. И все же...

Вспоминаю сейчас, как впервые услышала Уланову. Было это в «Комсомолке», на каком-то юбилее, прислали писатели, поэты, драматурги, люди, чья профессия – слово, блестящее выступали, а потом встала она, Уланова, и очень простыми словами рассказала какую-то очень простую историю. Но на следующий день в редакции все говорили только о ней, а не о признанных ораторах и краснобаях! На таком пределе искренности и неподдельного волнения она говорила.

В танце Улановой знатоки балета отмечали ее необыкновенную способность взысканное представить простым, а красоту – естественной. То же можно сказать о ее речи. Она никогда не произносила высоких слов, не стремилась к категоричности формулировок,

лось тогда, Симонов решил сделать сегодня, 20 лет спустя, когда ни сценаристки, ни самой Улановой нет уже в живых и мешать разоблачать уже некому. Покоянная смесь...

Зачем балерине чувство юмора

Какую же разоблачительную правду об Улановой поведал нам мемуарист? Первое: у Улановой, оказывается, не было... чувства юмора. Не смеяется – дескать, велика ли беда? Это тяжелое по нынешним временам обвинение: юмор, причем, как правило, черный, скрупулезный ирония и беспрерывный юмор – это ведь примета дня. И объяснение тому готово: человечество расстается с прошлым, смеясь. Смеяться – это мы смеемся, но не прощаюсь. Увы,

Ее многочисленные ученики и сегодня преклоняют перед ней колени.

и были даже «ненавистники»! Он боролся с пафосом, столь характерным для времени балерины Улановой – сталинисткой. Но какая, скажите мне, пафос в письме Пастернака, уже частично цитированном, которое начиналось словами: «Я со всеми морями лицом смотрел Вас вчера...» Или в письме женщины, которая рассказывает о своей маме, что она мыла полы в доме, прежде чем посмотреть Уланову по телевизору? Неужели очищающие слезы и восторг – это просто пафос, к которому, как известно, самый распространенный эпитет – «ложный», и нужно сегодня их смыть? Неужели говорить не о дурном, о хорошем на экране, в романе, в газете – социализм, да и только, как это не прокламируется? Неужели такие понятия, как национальное достояние, над ко-

Б. Лятыев МНОГОВАТО для гениев

Еще пассаж, уже не только о речи – о всем характере Улановой «выработанном по утверждению Симонова – от страха».

«Если попытаться пояснить, что я нащупываю в улановском феномене, через сравнение с каким-нибудь историческим персонажем, я бы выбрал «Орлеанскую деву». У той и другом «голосом», божий дар, предчувствие судьбы. Только Г.С. с юности понимала – это тайна, которую надо скрывать, потому что сожгут, как Жанну д'Арк».

Уланова мечтала о роли Жанны д'Арк и уже начала репетировать, но потом отказалась танцевать. Наоборот. Вот как она объяснила мне это в одном интервью: «Так была сцена, когда Жанна слышит голоса свыше, голос Бога: «Ты должна спасти свою страну». И только после этого она ведет людей сражаться. А мне сказали, что это что-то религиозное, сцену заставили переделать так, что получилась про-староватка какая-то...» Да если б Улановой руководил один лишь страх, она станцевала бы так, как ей велели!

Да, Уланова не представишь мечущей громы и молнией на каком-нибудь митинге или на страницах своих мемуаров. Но ее не втянешь, как это не раз пытается. В какую-нибудь очередную кампанию очередного прославления власти имущих или в очередную склоку, сотрясавшую не только Большой театр. Смею утверждать: она не только не была скована страхом – она сопротивлялась режиму. И дело не только в том, что не вступила в партию, как на это ни наставили, не поддавалась вербовке КГБ, а и такие попытки были. Дело в том, что сам ее волевик, чистый и неподкупный – на сцене и вне сцены – проявлял фальши и лживости режима. Гочнее всего это, по-моему, выразил Борис Пастернак в письме 1945 г.: «Сила, покорная обстоятельствам и верной себе чистоты... ее угрожающей противоположности... лживой и трусливой, низкотолкливой придворной стихии, нынешних форм которой я не люблю до сущности».

А Симонов иронизирует над сказанием об Улановой – «гений скромности». Чтоб показать обратное, режиссер задумал «диверсию» – так он сам называет то, что «гений скромности» появляется в фильме примерно в пятидесяти разных платьях, плащах и манто». Какое-то скромное, я бы сказала, представление о скромности, напомнившее мне наши бывшие гневные филиппинки против «хеннизма». А что балерина мировой славы должна ходить в робице? Увы, сожалеет Симонов, диверсия не удалась – «ее буквально никто не заметил». Да потому что скромность Улановой была в другом – по-разительно скромной, чтоб не сказать равнодушной, отношении к славе. «Мало кто имеет такую славу, как она, но редко кто сопротивляется славе так, как она», – это сказала мне Бентг Хеггер, президент Комиссии международного танца ЮНЕСКО, когда в 1984 г. в Стокгольме открывали монумент в честь Улановой – «как самой высокой высоте в искусстве».

Шелкали аппаратами фотокоры, жужжали кинокамеры, а я видела маленькую хрупкую женщину, которая старалась спрятать лицо воротник шубки, заслониться чьей-то спиной. И ни разу не посмотрела на себя в бронзе. Спустя много лет, накануне праздника 850-летия Москвы, Уланову следили почетным гражданином города. Искренне удивилась в телекамеру: «Я же не москвичка» – осталась верна своей малой родине, своему Петербургу. Но когда пригласили прийти на подиум флага праздника, поколебавшись, пошла: «Можете, я кого обижу отказать, неудобно». А потом рассказывала по телефону: «Оказывается, флаг подни-

мали на маленькой такой площадке, а она на возвышении – стояла, как на гильотине». Это она-то, всходившая на возвышение мира столько раз!

А может, послушать Пастернака?

Как-то увидела у нее на столе подаренный книгу – любовную переписку молодости одной из наших старейших актрис. На фоне разнуданных мемуаров других актрис и неактрис, бесстыдно вываливающих мир то, что и близким не всегда скажешь, это была, на мой взгляд, спрятанная, умная книга. Но Галина Сергеевна сказала: «Не понимаю этой нынешней страсти к интимному». И лицо ее стало отчужденно-холодноватым, а взгляд «петербургским», как однажды написала какая-то западная газета. Некоторые только так и знают ее. В том числе и наш мемуарист, назвавший ее дом домом Снежной Королевы – а мы там все так обогревались...»

Она тщательно оберегала свою личную жизнь. Ступя на это, А. Симонов вновь и вновь повторяется одно слово – «страх». Неужели ему незнакомо другое, ныне популярное слово – «целомудрие»? Но «застенчивых людей мало. Очень мало», – скажет «косноязычная» Галина Сергеевна в одном из последних интервью...

«Не люблю ничего преувеличеннего», – есть у меня и такая запись в старом блокноте. Это было сказано о Ниагаре. Она очень любила наш скромный Селигер. «Тишина, озеро, байдарка, волны поля, лес... Лучше воспоминание моей жизни», – звучит сейчас ее голос на бережно хранимой мною пленке. Специалисты отмечают, что и танец ее вызывал представление не «к руках и водопадам», а был исполнен «тихой озерной лирики».

Вот о самом танце Улановой мемуарист почему-то пишет мало. Очень мало. Но ведь именно танец составляет ядро фено-мена, или по-симвоновски, «Легенда по имени Уланова». Пишет мало, но на этот раз, по-моему, точно: «Что-то такое было в улановском искусстве, что восприятие его становилось фактом биографии зрителя», – говорят не о танце, не о виртуозности или одухотворенности балерины, говорят о ее чистоте, о ее верной себе чистоте... ее угрожающей противоположности... лживой и трусливой, низкотолкливой придворной стихии, нынешних форм которой я не люблю до сущности».

Но, оказывается, режиссер с этими письмами «боролся»! Они его «раздражают». И еще он пишет: «Сия, покорная обстоятельствам и верной себе чистоты... ее угрожающей противоположности... лживой и трусливой, низкотолкливой придворной стихии, нынешних форм которой я не люблю до сущности».

В Стокгольме, на одной из площадей, воззвигнут монумент в честь великой русской балерины.

В России?..

Конечно, как сказал другой мемуарист, поэт Наум Коржавин, «целью из этой сцены не выходит никто». Что и продемонстрировал нам блестяще наши мемуаристы, представив чисто марксистскую схему, по которой человек – лишь плод среды, обстоятельств времени. То самое «бытие определяет сознание».

Грустно, признаться, писать все это... И невольно, вслед за мемуаристом, тревожить дорогую тему не хочется. И спорить с коллегой, который считал единомышленником. Но лучше бы потратить и перо, и пыль против тех, кому Стalin и в самом деле отец родной, а не против известного защитника гласности.

Но гласность – все же не домыслы. Как говорится, ты мое друг, а истина до- роже.

Пастернак писал ей:
«Я со всеми морями лицом
смотрел Вас вчера...»

И ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МНЕНИЙ

Уланова бывает раз в человеческой жизни, да и не во всякой жизни. Если земля рождает такое чудо даже раз в тысячу лет – спасибо ей за это».

Сергей ЭЙЗЕНШТЕЙН.

«Она – гений русского балета, его невидимая душа, его вдохновенная поэзия... во всех сознаниях Улановой вы чувствуете ее острый, пытливый, проникновенный ум...»

Сергей ПРОКОФЬЕВ.

«Уланова принадлежит не одному искусству, не одному балету. Она принадлежит сотням тысяч людей, разноголосой и необозримой аудитории, видевшей ее на сцене и навсегда запомнившей. Именно поэтому хочется сказывать снова и снова думать о ней и вновь переживать то высочайшее волнение, то наслаждение и радость, которые она дарила так щедро, так скромно, с такой великой любовью к людям».

Юрий ЗАВАДСКИЙ.

«Советская балерина Галина Уланова – символ затухания холодной войны.

В ряду великих балерин Уланова, как это считают... является самой великой... Изящество, тонкость, красота движений – это трогает людей как на твой, так и на другой половине разделенного мира.

И мир уже не так разделен, как это думали. Искусство Улановой – это один из факторов, содействовавших ослаблению международных опасений».

«ДЕЙЛИ ЭКСПРЕСС».

Лондон, 3 июня 1960 г.

«...Спустя годы, хочу сообщить Вам, что когда-то в госпитале, тяжелораненый, я выжил только потому, что стоял в памяти Ваши незабываемые образы...»

Ленинград Леонид ТОМАШЕВИЧ.
(Из письма бывшего фронтовика Галине Улановой).